

Смысл зла в творчестве Владимира Соловьева: интерпретации и комментарии

Научный руководитель – Скрипник Константин Дмитриевич

Гаевская Анастасия Витальевна

Аспирант

Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, Кафедра истории философии, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: anastaskirichenko@gmail.com

Современный польский исследователь русской философии Ян Красицки отмечает многообразные влияния на философию В. Соловьева. Нам представляется, что центральным стержнем его философии было христианство, а все остальные влияния, получаемые в ходе интеллектуального развития философа, наслаивались на него, преобразовывая в ряде моментов. Существует несколько подходов к главному системообразующему принципу философии Соловьева: у Е. Трубецкого, Н. Бердяева, Е. Клингера, А. Валицкого это идея Всеединства, у С. Булгакова, К. Мочульского, В. Зенковского, Я. Добешевского - это Богочеловечество, у С. Соловьева, А. Лосева, Л. Кейзик - это София. Суть интерпретации Красицкого интересна тем, что он рассматривает эволюцию взглядов В. Соловьева сквозь призму проблемы зла, которая нашла свое разрешение в финальный период жизни и творчества философа («апокалиптический»). Подобные грани мышления дают возможность вырваться из бессмысленных отсылок к хронологии и выйти на чисто философскую проблематику.

В польской рецепции русской философии живее видны ее значимость, разнообразие, отличительные особенности: именно через восприятие Другого мы достигаем самоопределения. Поэтому логически оправдано внимание к философии Владимира Соловьева его польских комментаторов.

Некоторые польские исследователи считают именно проблему зла важнейшей в системе воззрений философа, и в связи с ней подразделяют эволюцию философских взглядов Соловьева на два, казалось бы, неравнозначных периода: обширный оптимистический и краткий пессимистический. Тем не менее ощущение коренящегося в мире зла лежит в основе не только пессимистического периода, поскольку оно зиждется на непримиримых противоречиях между идеалом и действительностью. Дело в том, что в период оптимистический эта проблема просто не принимается во внимание Соловьевым, он верит в то, что *искоренение* зла возможно. Именно по этой причине русский философ не уделяет достаточного внимания Искуплению, душевной борьбе Христа в Гефсиманском саду, Голгофе как принятию на себя грехов всего мира и Воскресению как победе над смертью. Все эти трагические переживания внутренне упрощаются, и только в 90-х годах XIX века Соловьев приходит к острому личностному переживанию мировой истории. Тем не менее, как мы видим, интерпретационная сила понятия зла лежит в основе всей философской системы Соловьева вне зависимости от периодизации его творчества.

На наш взгляд, интересно рассмотреть выражение понятия зла в самый ранний, по типологии Е. Трубецкого, теософический период творчества Соловьева, когда зло на первый взгляд не рассматривалось им как самостоятельная исследовательская проблема. «Зло понимал он слишком рационально, не мистически, зло истолковывал гностически, не подошел еще к последней тайне зла, зла бездонного, бесконечного, иррационального, непостижимого, из свободы рождающегося», - как пишет Н. Бердяев. Тем не менее уже в самых ранних работах Соловьев уделяет особое внимание фразе апостола Иоанна о том, что весь мир лежит во зле. Природа понимается Соловьевым как зло, поскольку все ее кажущиеся

красоты прикрывают тление, которое наполнено «дурной бесконечностью» многообразия видов, способных самоосуществиться лишь через Единство, доступное только посредством единения с Богом. Если же это многообразие разнородных единиц будет существовать вне Его, то единственным результатом их *биологической* жизни будут бесконечные эгоизм и антагонизм, что является началом смерти и через нее всякого зла. Порыв к свету для раннего Соловьева возможен, но он лежит, как отмечает Красицки, в возможности опоры на Нечто, лежащее вне законов этого мира, которые подчинены греху и смерти. Начала этого высшего порядка уже заложены в нас через явление Христа, которое занимает в философии Соловьева центральное место. По мысли философа, оно подчинено логике исторического развития, которая наметилась после смерти Сократа, показавшей *предел земной мудрости*. Можно сказать, что Соловьев связывает явление Христа с появлением логики, общей для всего человечества, но воспринятой лишь христианами, логики, положившей начало Бытию.

Было бы не совсем верно вслед за Бердяевым пренебрежительно утверждать, что философия «оптимистического» периода творчества Соловьева есть «розовое христианство». Если мы пойдем по этому пути, то возвеличим «пессимистический» период, в котором христианство мыслится в мрачной перспективе, тогда как в христианстве основной идеей является все же не страх, а радость от возможности общения с Богом. Скорее, в основе философии Соловьева лежит глубоко прочувствованное понимание призыва Христа к действительной борьбе со злом и попытка осуществить ее логическую интерпретацию через свою философскую систему, возможность через обоснованную логикой концепцию достичь Абсолюта. Ян Красицки верно замечает: «окончательное исполнение перемен мыслится только в эсхатологическом измерении» [Красицки2], оттого Соловьев и приходит в конце своего творческого пути к новому духовному опыту, который дает философу действительное понимание смысла зла, представленное в начальном периоде его творчества умозрительно. Подобный итог нельзя отделить от духовных поисков Соловьева, которые привели его к трагичному переживанию проблемы зла, воплотившейся в демонических видениях философа, будто бы визуализировавших эту идею. Конечно, подобное острое переживание того, что вначале мыслилось возможным быть побежденным, нельзя отрывать и от той ситуации, которая позже многими философами именовалась кризисом культуры.

Итак, концепция Соловьева, сформулированная в «оптимистический» период его творчества, не претерпела изменений. Этот факт дает основание вслед за Я. Красицким утверждать, что системообразующей категорией философии Владимира Соловьева является концепт «зло» и входящие в него понятия смерти и эгоизма, поскольку в дальнейшем разрабатывалось и менялось лишь отношение к этой категории через возможность или невозможность ее преодоления.

Источники и литература

- 1) Вейдле, В. Умирание искусства. М., 2001.
- 2) Красицки, Я. Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева. М., 2009.